

№ 1485 ГОД ИЗДАНИЯ ТРИНАДЦАТЫЙ ЧЕТВЕРГ 11 ФЕВРАЛЯ 1960 • JEUDI 11 FEVRIER 1960 TREIZIEME ANNEE Prix : 0,60 NF (00 Fts)

РУССКАЯ МЫСЛЬ

Чехов о литературе и роли писателя

ЧЕХОВ родился сто лет тому назад, но когда мы читаем его сегодня, нам кажется, что он — наш современник*). После революции 1917 года многие критики объявили Чехова несозвучным эпохе. Они пророчили, что в Советском Союзе не будут читать его рассказов и не будут ставить его пьес — потому что они описывают потонувший мир старой России — исчезнувших вишневых садов, вымерших трех сестер и давно похороненных хмурых и лишних людей.

Но потом оказалось, что Чехов жив, и волнует нас едва ли не больше, чем волновал он наших отцов. Происходит это не оттого, что вокруг нас гуляют его герои, — мы узнаем унтера Пришибеева в сотруднике органов государственной безопасности, и в каждом тресте непременно сидит человек в футляре, а подхалимы, чинуши, мелкие людишки с большими аппетитами, пустозвоны бюрократы и слабые интеллигенты, идущие, куда ветер дует, окружают нас со всех сторон. И попрежнему честные дяди Вани и идеалисты Вершинины мечтают в одиночестве о правде и лучшей жизни, и Володи, и другие юноши, и девушки страдают от пошлости и лжи.

Самое главное — это то, что существует сам Чехов — писатель, органически не терпевший насилия и фальши, разоблачавший лицемерие и чванство, смеявшийся над теми, кто живет чужим умом, говорит по шпаргалке и боится вольных мыслей, своеобразия и фантазии. И необычайно ярко и злободневно звучат сейчас слова Чехова о литературе. Он служил ей бескорыстно и честно всю свою недолгую жизнь, и его суждения о роли и призвании писателя приобретают теперь особую значительность.

В известном письме к Плещееву в октябре 1888 года, Чехов заявляет, что его святая святых — «это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода, свобода от силы и лжи, в чем бы последние две ни выражались». И он добавляет: «я хотел бы быть свободным художником и только. Я боюсь тех, кто между строк ищет тенденции и кто хочет видеть меня непременно либералом или консерватором. Я ненавижу ложь и насилие во всех их видах. Фарисейство, тупоумие и произвол царят не в одних только купеческих домах и кутузках, я вижу их в нэвке, в литературе, в молодежи... Поэтому я одинаково не питаю пристрастия ни к жандармам, ни к мясникам, ни к ученым, ни к писателям, ни к молодежи. Фор-

му и ярлык я считаю предрассудком».

Когда в его рассказах искали общественной морали, он возмущался и отвечал: «мне кажется, что не беллетристы должны решать такие вопросы, как Бог, пессимизм и т. п. Дело беллетриста изобразить только, как и при каких обстоятельствах говорили или думали о Боге или пессимизме. Художник должен быть не судьей своих персонажей и того, о чем говорят они, а только беспристрастным свидетелем». Брату Александру он советовал писать рассказы, придерживаясь такого правила: «отсутствие продлиннованных словоизвержений полити-

МАРК СЛОНИМ

ко-социально-экономического свойства, сплошная правдивость в описании действующих лиц и предметов, сугубая краткость, смелость и оригинальность, беги от шаблонов, сердечность». Не мешало бы и современным советским писателям поучиться у Чехова.

Много лет спустя, в связи с выступлениями Золя по делу Дрейфуса, Чехов писал из Франции Суворину: «дело писателей не обвинять, не преследовать, а вступаться даже за виноватых, раз они уже осуждены и несут наказание. Скажут: а политика? интересы государства? Но большие писатели и художники должны заниматься политикой лишь настолько, поскольку нужно обороняться от нее. Обвинителей, прокуроров, жандармов и без них много»...

Некоторые высказывания Чехова звучат так, точно они были сделаны в наши дни по поводу проблем, подымавшихся в Союзе Советских Писателей. «Неужели вам все не душно от таких слов, как солидарность, единение молодых писателей, общность интересов и проч., — писал он в 1888 г. — Чтобы помочь своему коллеге, уважать его личность и труд, чтобы не сплетничать на него и не завистничать, чтобы не лгать ему и не лицемерить перед ним — для всего этого нужно быть не столько молодым литератором, сколько вообще человеком». Чехов предсказывал, что профессиональная организация породит невольное шпионство, подозрительность и контроль и превратит писателей в иезуитских соглядатаев друг за другом. По его мнению, никакая полиция не может быть компетентной в делах литературы: хотя литература и представляет собою широкое поприще для подхалимства, легкого заработка и лени, и в нее проникают шулера и бездарные проходимцы, единственными средствами для ее

очищения должны быть критика и собственная совесть авторов.

Чехов издевался над теми, кто хотел навязать писателям темы и задачи, вроде изображения «положительных типов» или описания тех или иных слоев населения. «Я признаю специальность в искусстве, как жанр, пейзаж, историю, — писал Чехов, — понимаю я амплуа актера, школу музыканта, но не могу примириться с такими специальностями, как изображение арестантов, офицеров, попов».... Думать, что на обязанности литературы лежит выкапывать из кучи негодяев зерно, значит отрицать самую литературу. Художественная литература потому и называется художественной, что рисует жизнь такою, какова она есть на самом деле. Ее назначение — правда, безусловная и честная. Суживать ее функции такую специальностью, как добывание «зерна», так же для нее смертельно, как если бы вы заставили (художника) Левитана рисовать дерево, приказав ему не трогать грязной коры и пожелтевшей листвы».

Нынешний год объявлен «чеховским» и мы услышим немало речей о писателе и прочтем о нем множество статей. Но самым достойным увенчанием памяти Чехова было бы внедрение в жизнь тех принципов свободы творчества, о которых он непрестанно писал, и та защита правды, та борьба против неискренности, догматизма, умственного насилия и духовной ограниченности, которые составляют самую сердцевину всех его рассказов и драматических произведений.

Марк Слоним

*) Эта статья была передана по Радио Свобода.